

Рассказы Н. В. Успенского и категория типического в русской литературной критике

Шестидесятые годы XIX в. ознаменованы появлением нового течения в русской литературе, пришедшего на смену натуральной школе 1840-х гг. и обычно определяемого как «демократическое». Как правило, исследователи обращают внимание на идеологический аспект противостояния этих направлений, характеризуя литературную борьбу как столкновение между либеральным дворянством 1840-х гг. и радикальным демократическим движением 1860-х гг. [см.: Левин, Батюто 1956]. Однако можно рассмотреть эту литературную борьбу с учетом изменения эстетических категорий, чтобы объяснить прочтение прозы 1860-х гг. критиками.

К представителям «демократического» направления обычно относят Н. Г. Помяловского, Ф. М. Решетникова, Г. И. Успенского, В. А. Слепцова и др. Первым писателем в этом течении был Н. В. Успенский: именно в его творчестве основные тенденции «шестидесятников» нашли свое выражение еще в конце 1850-х гг. Это подтвердил Н. Г. Чернышевский, написавший о рассказах Н. В. Успенского статью «Не начало ли перемены?» (1861) и тем утвердивший репутацию писателя как первопроходца в новом течении русской литературы. В статье Ф. М. Достоевского «Рассказы Н. В. Успенского» он поставлен, хоть и в негативном свете, в один ряд с известными писателями — А. Н. Островским, И. С. Тургеневым, А. Ф. Писемским и Л. Н. Толстым [см.: Достоевский 1979]. Сборник «Рассказы Н. В. Успенского», вышедший в 1861 г., привлек к себе внимание других критиков и читателей неприглядными сценами из народного быта и «мозаичностью» повествования. Оригинальность произведений Н. В. Успенского вызывала у критиков различную реакцию. В частности, в его рассказах часто отмечался особый характер типического.

Слово «тип» и категория типического в рамках натуральной школы могут использоваться в двух значениях. В первом случае типическое представляется как любое воплощение общего в индивидуальном, высокая степень характерности: «Только такая многосторонность придает характеру живой интерес. Вместе с тем эта полнота должна выступать слитой в единый субъект, а не быть разбросанностью, поверхностностью и просто многообразной возбудимостью» [Гегель 1968: 244]. Подобное понимание развивал В. Г. Белинский в ранний период критической деятельности. Во втором случае типическое связано с представлением о чем-либо стандартном, имеющем постоянную схему. В нем наиболее полно раскрывается одна черта, которая становится доминантой полученного образа. Такая трактовка близка к взглядам позднего Белинского.

В русле натуральной школы понятию «типическое» отводится роль конструирования образов в художественном произведении:

Когда в романе или повести нет образов, нет лиц, нет характеров, нет ничего типического, — как бы верно и тщательно ни было списано с натуры все, что в нем рассказывается, читатель не найдет тут никакой натуральности <...> надобно уметь явления действительности провести через свою фантазию, дать им новую жизнь [Белинский 1953—1959/10: 303].

Подобные взгляды развивались в 1830—1840-е гг., и уже в 1848 г. Белинский утверждал, что натуральная школа (с характерным для нее пониманием типического) стоит на первом плане в литературном процессе.

Однако в конце 1850-х и начале 1860-х гг. отношение к категории типического изменилось: Чернышевский, являющийся одним из основоположников складывающегося «антиэстетического» направления, почти не использует понятие «типическое». В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», поставив действительность во главу угла в искусстве, он нивелирует понятия «тип» и «типическое», поскольку типические образы

«слабы, неполны, неопределенны в сравнении с соответствующими им образами действительности» [Чернышевский 1949: 64]. С точки зрения Чернышевского, в художественном образе может быть воспроизведен конкретный типический характер из реальной действительности. Типическое для него находится в действительности, а не появляется при создании произведения.

Для понимания эстетических процессов, сопровождавших литературную борьбу между натуральной школой 1840-х и антиэстетикой 1860-х гг., можно рассмотреть произведения одного из первых представителей шестидесятников Н. В. Успенского и то, как они были восприняты критиками — современниками писателя. Критики, рассуждая о типическом в рассказах Н. В. Успенского, часто сравнивают его с В. И. Далем. Это неслучайно, ибо 1861 г. отмечен и выходом «Рассказов Н. В. Успенского», ранее опубликованных под общим названием «Очерки народного быта», и переизданием «Картин из русского быта» Даля. Уже схожесть названий и тематики могла дать критику повод для сравнения.

Например, в «Литературной летописи», опубликованной в журнале «Русский инвалид» в 1862 г., рассуждая об изменении в изображении народа, анонимный автор выделяет несколько типов писателей. К первому типу относятся те, кто в 50-е гг. XIX в. смотрит на народ идеалистически, хотя видит и достоинства, и недостатки. Такие писатели отмечают в основном язык героев, обстановку. Писатели второго типа уже не идеализируют народ, но сближаются с ним и отображают картины народного быта с фотографической точностью. Утверждается, что эти особенности характерны для творчества Даля, и это делает его очерки похожими на рассказы Н. В. Успенского. Более того, оба писателя описывают «частные картины, из которых вырисовываются общие» [П-ский 1862: 28]. Однако автор статьи считает, что рассказы Даля являются «суховатыми» из-за нелюбви писателя к народу; Н. В. Успенский же, напротив, сочувствует народу, поэтому по-новому осмысляет явления народной жизни и более интересен читателю.

В другом обзоре русской литературы за 1861 г. рассказы Н. В. Успенского названы превосходящими творения Даля по «занимательности» и «типическому воспроизведению личностей» [см.: М. З. 1861: 1514].

Произведения же Даля воспринимаются критиками как образцы типического: достаточно привести слова Белинского о том, что Даль

<...> истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине [Белинский 1953—1959/10: 390].

В. В. Виноградов утверждает, что, примыкая к «натуралистам» и участь у них, Даль и спорил с ними, и искал «натуру, как она есть [см.: Виноградов 1976].

Чтобы обнаружить типическое в произведениях Н. В. Успенского, можно рассмотреть два рассказа, включенные в указанные выше сборники — «Грушка» Н. В. Успенского (1858, «Современник») и «Беглянка» Даля (1848, «Отечественные записки»).

Сюжеты рассказов кажутся непохожими: у Даля — повествование о судьбе девушки, уехавшей на чужбину; у Н. В. Успенского — авантурный сюжет об удачно сложившемся для жениха сватовстве. Однако критики, сравнивающие произведения Даля и Н. В. Успенского, не комментируют сходство или различие сюжетов, а скорее акцентируют внимание на отношении автора к написанному и, следовательно, особенностях повествования.

К общим чертам в рассказах стоит отнести, во-первых, бытовые детали. У Даля они носят этнографический характер:

Изба и почти вся утварь русская, только посуда части медная, луженая внутри и снаружи, а частью глиняная, превосходной выделки и вида: не горшки, а античные кувшины, урны и вазы... [Даль 1861: 57].

В тексте они представляют собой фрагменты сплошных описаний, не имеющих отношения к развитию сюжета. У Н. В. Успенского же эти детали разбросаны по тексту, вплетаясь в повествование:

Зачал я с того времени прогуливаться у ее дома, все, знаете, по вечерам. Попробовать не мешает. Дом у них каменный; мезонин слишком здоровый выведен. Разгуливаю себе. Она сидит у окошечка, вяжет чулок али колбает что, — сама, понимаете, романсы поет [Успенский 1933: 157].

Во-вторых, есть различие в художественном пространстве рассказов. У Даля действие происходит в русской деревне в экзотической Турции, у Н. В. Успенского — в непоименованной русской деревне.

Система повествования в рассказе Н. В. Успенского довольно сложна: есть повествователь, который появляется лишь в первых предложениях:

Жив еще старичок-то — мой тятенька... ни единого волоска на голове, а тоже иное время пустится в присядку! чуден родитель!.. Когда же захмеляет, то всегда запекает: «Ай ты, молодость... буйная!» разинет рот, а там ни одного зуба нет! [Успенский 1933: 156].

Он — свидетель диалога главного героя Потапа Егорыча с другом, в котором Потап Егорыч (уже как рассказчик) поведал историю. Поэтому повествователь максимально исключен из текста, едва маркирован. Почти устраненный повествователь создает эффект непосредственного описания. У Даля же — повествование от первого лица и диалог с девушкой, которая рассказывает свою историю. Повествователь Даля, приехавший в Турцию, не является частью «народа», в отличие от повествователя Н. В. Успенского.

Так, исходя из различий между рассмотренными рассказами, можно сказать, что категория типического реализуется в них совершенно по-разному. Повествователь Даля дистанцирован от народа, поэтому описывает его отстраненно; повествователь же

Н. В. Успенского предлагает взгляд на народ глазами одного из его представителей. Из-за этого различия типизация у Даля становится возможной, в отличие от Н. В. Успенского. Однако в контексте эпохи эти явления воспринимаются критиками как схожие, однопорядковые. В рассказах Даля категория типического может быть обнаружена, если трактовать ее в русле натуральной школы. А если возможно говорить о категории типического в рассказах Н. В. Успенского, то только в понимании Чернышевского: задача писателя — не проводить типизацию, а находить картины для описания, в которых наиболее полно выражены существенные, типические черты.

С категорией типического тесно связано понятие художественного образа, которое изменилось в середине XIX в. У Белинского художественный образ — это образ типический, а

<...> кто не одарен творческой фантазией, способною превращать идеи в образы, мыслить, рассуждать и чувствовать образами, тому не помогут сделаться поэтом ни ум, ни чувство, ни сила убеждений и верований, ни богатство разумно исторического и современного содержания [Белинский 1953—1959/6: 616].

Изменения в понятии образа связаны с эстетическими воззрениями Чернышевского. Он утверждал, что «в прекрасном идея должна нам явиться вполне воплотившейся в отдельном чувственном существе; это существо, как полное проявление идеи, называется образом» [Чернышевский 1949: 130]. Значит, образ в рамках новой эстетической системы — это такой образ действительности, который воплощает в себе «полное проявление идеи» без задействования фантазии и типизации — полномочия автора ограничиваются выбором картины, которую нужно описать, о которой нужно сказать, «как было на самом деле».

Таким образом, пришедшие на смену поколению натуральной школы «шестидесятники» отрицали типическое как значимую эстетическую категорию. К творчеству Н. В. Успенского категория типического в понимании натуральной школы неприменима, в трактовке Чернышевского — отчасти применима. По мысли

критика, типическое нужно не конструировать в произведении, а находить в действительности и «без прикрас» описывать. И, в соответствии с этим, в художественном образе выражается абстрактная идея, почерпнутая из жизни. В произведениях Н. В. Успенского можно также обнаружить отказ от образа в традиционном понимании. Однако причины этого отказа у критика и писателя различны: если Чернышевский видит образ в неразрывной связи с воплощенной в нем идеей, то Н. В. Успенский отталкивается от непосредственного описания: он отсылает к реальности, а не создает ее модель. И если Чернышевский стремится к созданию литературы мысли, то рассказы Н. В. Успенского представляют собой «литературу факта».

СОКРАЩЕНИЯ

Белинский 1953—1959 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953—1959.

Виноградов 1976 — *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М., 1976.

Гегель 1968 — *Гегель Г.-В.-Ф.* Эстетика: В 4 т. М., 1968. Т. 1.

Даль 1861 — *Даль В. И.* Картины из русского быта: В 2 т. СПб., 1861. Т. 1.

Достоевский 1979 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1979. Т. 19.

Левин, Батюто 1956 — *Левин Ш. М., Батюто А. И.* Шестидесятые годы // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956. Т. 8. Ч. 1. С. 5—110.

М. 3. 1861 — *М. 3.* Литературная летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 277. 14 дек. С. 1513—1515.

П-ский 1861 — *П-ский И. А.* Литературная летопись // Русский инвалид. 1862. № 8. 12 янв. С. 27—32.

Успенский 1933 — *Успенский Н. В.* Сочинения: В 2 т. М.; Л., 1933. Т. 1.

Чернышевский 1949 — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2.